

Шостакович Д. Д.
(и Леонов)

23.09.66

К 60-ЛЕТИЮ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА

ГРОМАДНЫЙ ТАЛАНТ

КАЖДОМ новом произведении этого композитора горячо, страстно и долго спорят. Но для всех спорящих — знатоков музыки, ее тонких любителей и ценителей и нас, рядовых слушателей, — всегда бесспорно одно: Дмитрий Шостакович — великий советский композитор, самый крупный композитор мира в наше время.

Такие громадные таланты, как Шостакович, возвышают культуру своей страны и рожают у современников гордость и удивление. О, как чудесно умеет он удивлять: каждое его новое произведение — неожиданность, оно всегда не похоже на предыдущее, по-настоящему ново, современно, оригинально.

Но с первых же тактов музыки узнаешь — это Шостакович, его ни с кем не спутаешь. Этой музыке чужда и прямо противоположна иллюстративность — это мышление, полное драматизма и глубины, искусство, постоянно обновляющееся, всегда открытое. Поразительно разнообразие жанров, размах творчества композитора. К своему шестидесятилетию он приходит во главе необозримой музыкальной армии — симфоний, опер, ораторий, песни, концерты, сонаты, вокальные циклы, оперетты, камерная музыка. Наконец, музыка к множеству кинофильмов. Фильмы были разного достоинства, некоторые из них запомнились только потому, что музыку к ним писал Шостакович; исчез, затерялся в годах зрительный образ, а музыкальное открытие звучит.

Что до меня, то я с ранней юности помню и уже, наверное, никогда не забуду песни

Шостаковича из давнишнего фильма «Одна», принадлежавшего к первым советским звуковым фильмам. А состояла эта песня из одной строки. Настойчиво повторялась стихотворная и музыкальная фраза: «Какая хорошая будет жизнь». Фильм был трагический, но музыка сделала его оптимистическим — программной уверенностью для нашего поколения.

Ну, а потом «Встречный». Песня к фильму о первой пятилетке, написанная на стихи Бориса Корнилова, — это музыкальный образ целой эпохи. Какая еще песня 30-х годов так прочно закрепилась в народном сознании?

Знаете ли вы, что музыка «Встречного» положена в основу гимна Организации Объединенных Наций? В Сан-Франциско и Нью-Йорке перед заседанием высшие представители многих стран вставали под звуки песни о кудрявой, о стране, идущей со славой навстречу дня.

Я не считаю, что Седьмая симфония Шостаковича лучше других его симфоний. Но ей выпала особая судьба: так в семье один из славных и достойных сыновей попадает на войну и становится героем. Седьмая симфония вошла в историю Великой Отечественной в одном ряду с боевыми соединениями: 8-я Гвардейская армия Чуйкова... Первая Гвардейская танковая бригада Катюкова... Седьмая ленинградская симфония Шостаковича...

Шостакович немало сделал для возрождения оперы. «Катерина Измайлова», что называется не по своей воле, с перерывом почти в тридцать лет, зазвучавшая вновь, — убедитель-

ное доказательство того, что опера жива и возможности ее далеко не исчерпаны: ведь некоторые бытстроходящие спектакли в помещении, именуемом оперным театром, наводили уже на печальные размышления и о том, что возможности оперы исчерпаны еще в начале нашего века.

Меня все время тянет на разговор о вокальных сочинениях Шостаковича, хотя они не занимают «ведущего» места в его творчестве. Я правильно поставил это затею и ничего

не определяющее слово в кавычки. Если говорить об отношении композитора к своим творениям, то для него не существует больших и малых, главных и второстепенных задач — все, что делается, делается с полной душевной отдачей, в полную силу.

Вдохновенный художник знавал не только триумфы, но и тяжелые дни. О, какие страсти, какие бури пронеслись над его головой!

Но появившаяся с утра статья «Сумбур вместо музыки»

не изменяла распорядка трудового дня композитора, словно бы это его не касалось: он работал, творил, не разгибая спины для передышки и не сгибая ее для унижения.

Если мастер славен своими учениками, то я назову имена учеников профессора Шостаковича: Кара Караев, Свиридов, Левитин... Это у нас, в консерваторских условиях. А сколько в мире музыкантов, считающих себя учениками Дмитрия Дмитриевича!

Он осыпан всеми возможными почестями (список его званий занял бы не меньше страницы), повсеместно признан классиком, увенчан лаврами многих стран. Но все, кто его видел и знает, особенно уважают в нем равного товарища, рабочего человека, использующего свой авторитет для неутомимой общественной деятельности, для того, чтобы делать людям добро. Но только тогда, когда они этого заслуживают. Попробуйте обратиться к Шостаковичу за помощью в неправом деле — получите в вежливой форме жесткий отказ. Зато уже, сочтя вас правым, Шостакович не пожалеет ни времени, ни сил, чтобы убедить всех, что вы правы.

Я всегда поражаюсь энергии композитора. За последние годы он объездил всю нашу страну, особенно много внимания уделяя музыке национальных республик, росту молодежи. Самая характерная его поза — подпертая пальцами голова, напряженное внимание. Он умеет слушать, как никто, — ему дано проникать в музыкальный мир товарища. Иногда мне кажется, что мы безжалостны по отношению к этому громадному таланту: отвлекаем его от главного — от сочинения волшебно-прекрасной музыки. Но — я знаю, Шостакович со мной не согласится — он творит в гуще жизни, в кипении повседневности.

Такой уж у него характер. Он наш современник и словно про него, о его творениях сказано Александром Блоком: слушайте музыку Революции.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»

Выдающемуся советскому композитору, лауреату Ленинской премии Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу послезавтра, 25 сентября, исполняется шестьдесят лет. Последнее произведение Шостаковича — 2-й концерт для виолончели с оркестром — посвящено его другу, замечательному музыканту, лауреату Ленинской премии Мстиславу Ростроповичу, который исполнит его в юбилейном концерте композитора.

Наш корреспондент Тамара Грум-Гржимайло обратилась к Мстиславу Леопольдовичу Ростроповичу с просьбой поделиться мыслями о значении творчества Д. Д. Шостаковича.

ковича ни одной негативной силой. Я не вижу в его музыке зла. Я вижу просто силу. Я вижу невероятную силу человеческого характера.

Многие воспринимают музыку поверхностно, воспринимают ее внешнюю сторону. Они слышат сложные, острые, «неприятные» звуко сочетания и «сваливают» это на «силы зла». Но это оттого, что мы плохо знаем себя. А музыка Шостаковича — это мы сами, наша не познанная до конца жизнь. В этой музыке вся громадная амплитуда

Мстислав Ростропович:

ШОСТАКОВИЧ ЗНАЕТ О ЧЕЛОВЕКЕ ВСЕ

— Темпы жизни все нарастают. А человек становится продуктивнее. Неизмеримо усложняется мир человека. И получает глубину невероятной силы. Чтобы вскрыть ее, нужны усилия могучего таланта. Им становится только великий писатель или гениальный музыкант. Шекспир, Бальзак, Пушкин, Лермонтов — они исследовали человека и отношения людей. Шостакович — из породы этих могучих. Он отражает всю сложность современного человека, современного человеческого мира.

Иногда говорят, что античеловеческое, страшное, бездушное получило в музыке Шостаковича полное воплощение, отражая трагическую правду XX века. Я не вижу у Шоста-

туда нашей жизни — от разочарований и трагических столкновений до просветлений и гордых надежд.

Мне всегда казалось, что Шостакович знает о человеке все. С детства я пугался его эрудиции. Но в отличие от других он знает не только то, что любит, но и то, что ему не нравится. Энциклопедические знания непрерывно снабжают материалом его фантазию. Огромные жертвы его интеллекта перемалывают все, что попадает в поле зрения. Его громадный «аппетит» и «усвояемость» — признаки крепкого творческого здоровья. Если взять один лишь его литературные обращения — это Шекспир, Пушкин и Саха Черный, Бернс и Долматовский, Евтушенко и тексты

«Крокодила»... Контрасты? Да, он идет широким фронтом. Спектр его восприятия громаден.

Но Шостакович — не только современность, это обращение в будущее прошлое. Не познавши прошлого, художник не создаст, не построят в искусстве ничего нового. Скачок основан на огромном знании предыдущей истории, на усвоении традиций. Если, скажем, мировой спортивный рекорд в прыжке 2 м 28 см, то 2 м 20 см берут относительно часто, а эти последние сантиметры даются только избранным. И кажется, что скачок на 2—3 см — дела революция, но это лишь рекорд, развивающий традиции. Гений быстрее других преодолевает барьер. А за барьером сразу

возникает новый стиль в искусстве.

Композиторы высшего класса, как правило, очень мало писали произведений для виолончели с оркестром. Они стремились выразить себя наиболее совершенными средствами — в оркестре или фортепиано. Но исполнитель — каждый — мечтает владеть совершенным инструментом, он хочет иметь один, независимый «голос». Я всегда завидовал дирижерам, которые могут рассказывать оркестром о том, на что не хватает обычно средств одной виолончели. Я всегда мечтал о виолончели со ста струнами.

Но настоящий композиторский гений преодолевает несовершенство инструмента. Это сделал Шостакович в своем

последнем концерте. По масштабам и временной протяженности (40 минут исполнительского времени!) он превосходит самые крупные из существовавших до него произведений для виолончели с оркестром — Дворжака и Прокофьева. Играя эту музыку, я впервые чувствую себя на музыкальном уровне дирижера. Шостакович наделяет виолончель качеством невиолончельной силы. Это симфония, сочинение очень объемных, очень протяженных мыслей. Мне не хватает смычка. Мне не хватает техники, не хватает сил. Не хватает красок. Я должен подниматься на совершенно новый уровень исполнительских средств.

Мастерство Шостаковича огромно. В финале нового концерта, после каденции, когда музыка словно растворяется в широком, баркарольном движении, проходят все темы предыдущих частей. Это сделано с неистовым мастерством. Я просто не понимаю, как возникает снова тема первой части, как удержит Шостакович преодолеть кажущуюся абсурдность соединения всех тем. Это музыка и созидательная, и саркастическая. В ней — огромные драматические взлеты, кульминации удивительной силы. И рядом — эпизоды полной успокоенности и просветления. Это мир гениальных философских коллизий, которые ранее проступали в Восьмой и Десятой симфониях Дмитрия Дмитриевича.

Мир Шостаковича неотделим от моего. Я живу вслед за ним. Я питаюсь лицей его фантазии. Играть Шостаковича, быть современником Шостаковича — это гордость, великая гордость!